

Сэсиуэнь решительно не знал, что сказать сыну. Лишь помолчав, он наконец выдал:

— Слишком рискованно. Больше так не делай.

Си Цзэ пренебрежительно фыркнул:

— Я столько сил потратил на эту защиту. С какой стати я должен позволять всяким проходимцам глазеть на неё? Они сами напросились со своим нахальством.

Сэсиуэнь вздохнул и мягко погладил Си Цзэ по голове. Он промолчал, хотя в глубине души поступок сына принёс ему немалое облегчение. Они с Бороной формально считались отцом и сыном, но на деле их связывало лишь кровное родство. По правде говоря, они были хуже чужаков — те хотя бы не питали друг к другу взаимной ненависти.

Впрочем, о взаимности речи не шло. Борона видел в нём лишь удобную игрушку, которой можно при случае похвастаться перед другими. Ненависть была односторонней — ненавидел именно Сэсиуэнь. Но толку от этой злости не было: он не мог причинить Бороны вреда, а потому не нашёл лучшего выхода, кроме как добровольно отправиться в изгнание на Хоторн.

С этой точки зрения то, что Си Цзэ оказался обладателем генов скромного уровня D, уже не казалось Сэсиуэню трагедией. Прожить тихую, размеренную жизнь обычного человека — разве это самый худший удел?

Вот только он и представить себе не мог, что сам Си Цзэ вовсе не собирался влачить серое существование. Месть семье Си оставалась его главной целью с самой минуты перерождения. Впрочем, пережив немало потрясений, юноша уже успел осознать горькую истину: в этом мире одной решимости и железной воли мало. Без реальной силы тебя раздавят ещё на подходе, и ты погибнешь, так и не увидев лица Си Чжунмина.

Столкновение с Бороной лишь укрепило его в этой мысли. Раз уж собственное тело не позволяло надеяться на выдающиеся способности, оставалось искать обходные пути. Си Цзэ искоса посмотрел на Сэсиуэня, слегка прищурившись. Ещё вчера он отчаянно стремился к полной независимости, но сейчас понял: ему нужен надёжный щит. И Сэсиуэнь подходил на эту роль идеально — по крайней мере, у него хватит веса, чтобы осадить Борону.

Конечно, столь откровенное потребительское отношение немного царапало совесть, но прошлая жизнь наглядно доказала Си Цзэ, что кровные узы — понятие эфемерное. Для кого-то они святы, для других — пустой звук. Он пока не знал, к какому типу людей относится Сэсиуэнь, но понимал главное: если хочешь получить помощь, нужно предложить что-то взамен.

Возможно... стоит заняться модернизацией дома своего новоявленного отца?

Сэсиуэнь и не подозревал, какие коварные планы зреют в голове юноши. У него хватало собственных забот. Он давно заметил в поведении Си Цзэ множество странностей, но не решался расспрашивать напрямую. Мальчишка рос на редкость своенравным и гордым — нажми на него чуть сильнее, и он просто сбежит.

Если уж этот сорванец ухитрился в одиночку сбежать из приюта, то здесь, на Хоторне, выследить его в случае очередного побега будет решительно невозможно.

Си Цзэ временно перебрался к отцу, оставив разгромленное жилище на его попечение. Из-за сломанного замка прежняя ключ-карта пришла в негодность, так что возвращение домой откладывалось до тех пор, пока рабочие не установят новую входную дверь.

Весь вечер Сэсиуэнь взвешивал за и против, настойчиво возвращаясь к мысли, что откровенный разговор неизбежен. На следующий день, дождавшись, пока Си Цзэ выспится, он пригласил его в кабинет.

— Тебе не пора на работу? — поинтересовался Си Цзэ. Его искренне удивляло, что в исследовательском институте Донкер столь вольные порядки.

Сэсиуэнь, разумеется, взял отгул. Коллеги по институту относились к его ситуации с глубоким пониманием. Обрести давно потерянного сына — великая радость, но когда вслед за этим на твою голову сваливается деспотичный престарелый родитель, тут уж не до научных открытий.

— Я изучил твоё личное дело, — осторожно начал Сэсиуэнь, внимательно наблюдая за реакцией сына.

Он умолк на полуслове.

Си Цзэ чуть наклонил голову:

— И?

Мальчик держался спокойно, без лишней раздражительности. Сэсиуэнь приободрился. Если бы не удивительная, совсем не детская зрелость Си Цзэ, он вряд ли решился бы на столь прямой разговор.

— Кое-какие моменты не дают мне покоя, — продолжил он. — И мне бы хотелось прояснить их. Если не захочешь отвечать — не настаиваю. Силой выпытывать не стану.

В его голосе сквозила редкая мягкость. Си Цзэ оценил этот жест и, помолчав, ответил:

— По правде говоря, я и сам толком не понимаю, как так вышло. Всё случилось буквально в

один миг. Словно я заснул, а проснувшись... уже помнил то, чего знать не мог.

Сэсиуэнь оставался бесстрастным, но про себя он горько усмехнулся:

«Кому ты сказки рассказываешь? Решил чужеродного зверя обвести вокруг пальца?»

— Это правда, — Си Цзэ посмотрел ему прямо в глаза. — Ощущение такое, будто я уже прожил целую жизнь. С самого начала и до трагического конца.

— Вот как? — Сэсиуэнь подался вперёд. Его скепсис сменился искренним любопытством.

Си Цзэ стал осторожно рассказывать о пережитом, выдавая воспоминания из прошлой жизни за затянувшийся, пугающе детальный кошмар. Он не утверждал ничего наверняка, описывая это как внезапно обрушившийся на него массив чужой памяти. По мере того как он говорил, грань между реальностью и вымыслом истончалась. Одни подробности проступали перед мысленным взором с леденящей чёткостью, другие тонули в тумане. В какой-то момент ему самому почудилось, что кошмарное прошлое — лишь игра воспалённого разума.

Если бы всё это действительно было простым сновидением... Ощущение удушья, когтями сжимавшее горло в те последние минуты, врезалось в память слишком глубоко. До сих пор один лишь вид верёвок или цепей заставлял его внутренне содрогаться. Пока он говорил, утихшая было злость вновь вскипела горячей волной. Юноша посмотрел с лихорадочным блеском в глазах, а голос пресекся.

Сэсиуэнь слушал его затаив дыхание. Заметив, в каком взвинченном состоянии находится сын, он мгновенно поднялся и решительно произнёс:

— Собирайся. Нам нужно идти.

— Куда? — Си Цзэ недоуменно моргнул.

— В институт. Я должен провести полное обследование твоего мозга и нервной системы. Нужно понять, что с тобой происходит.

Си Цзэ безропотно позволил увлечь себя к выходу. В их век торжества технологий и рации подобные феномены списывали вовсе не на мистику или переселение душ. Любой здравомыслящий врач решил бы, что у пациента попросту повредился рассудок.

У самого Сэсиуэня, впрочем, была иная, куда более профессиональная гипотеза: не крылся ли корень проблемы в дефектах генетического кода?

На протяжении веков великие кланы, обладающие родословными талантами, нередко

заклучали союзы между собой. Однако отцовская кровь почти всегда подавляла материнскую. Если ребёнок и наследовал особый дар, то непременно по мужской линии. Родословная матери пробуждалась лишь в тех редких случаях, когда отец был лишён уникальных генетических талантов. Из-за этой особенности в высшем обществе укоренилось негласное правило: носители крови старались выбирать в супруги партнёров с высоким генетическим уровнем, но без выраженных родословных талантов.

Си Цзэ же являлся искусственно созданным феноменом. Генетический материал мальчика подвергся глубокой корректировке ещё на стадии эмбриона: учёные безжалостно отсекали маркеры наследственных заболеваний и скрытые дефекты, способные помешать пробуждению его родословного таланта. К чему могла привести столь грубая перестройка столь сложной структуры, не мог предсказать никто. Согласно первоначальным расчётам, юноша должен был унаследовать как минимум уровень В. Фиаско эксперимента наводило Сэсиуэня на тревожные мысли о скрытых мутациях нервной системы.

Си Цзэ с самым унылым видом позволил препроводить себя в святая святых исследовательского института Донкер. Пользуясь своим положением руководителя проекта, Сэсиуэнь заперся с ним в личной лаборатории и незамедлительно приступил к комплексному сканированию. Процедура, к огромному неудовольствию юноши, оказалась весьма бесцеремонной: искусственный интеллект диагностической капсулы затребовал полного избавления от одежды.

<http://bllate.org/book/18340/1826236>